

Чарльз ГАТИ

Збиг: Стратегия и политика Збигнева Бжезинского

Составитель Чарльз ГАТИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 32(092)(73) Бжезинский З.
ББК 66.3(7Сое)8 Бжезинский З.
З-41

Серия «Геополитика»
ZBIG: THE STRATEGY
AND STATECRAFT OF ZBIGNIEW BRZEZINSKI
Edited by Charles Gati

Перевод с английского *О.И. Перфильева*
Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*
В оформлении обложки использована фотография,
предоставленная фотоагентством
ООО «Галло Имиджес РУС» (Gettyimages.ru)
Печатается с разрешения автора-составителя и редактора.

Збиг: Стратегия и политика Збигнева Бжезинского /
З-41 сост. Чарльз Гати ; [пер. с англ. О. И. Перфильева]. — Мо-
сква : Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (Геополитика).

ISBN 978-5-17-084374-9

Предлагаемый анализ академической и государственной деятельности Збигнева Бжезинского будет интересен не только специалистам, но также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами мировой политики. В попытке охватить различные аспекты жизни и деятельности Бжезинского Чарльз Гати привлек к работе над книгой многих выдающихся политологов и государственных деятелей последних тридцати лет.

УДК 32(092)(73) Бжезинский З.
ББК 66.3(7Сое)8 Бжезинский З.

© Charles Gati, 2013
© Перевод. О.И. Перфильев, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017
ISBN 978-5-17-084374-9

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ <i>Джимми Картера</i>	7
ПРЕДИСЛОВИЕ <i>Чарльза Гати</i>	11

Часть I. ИЗ ЛИГИ ПЛЮЩА

ГЛАВА 1. Збиг, Генри и новая внешнеполитическая элита США. <i>Жюстен Ваис</i>	30
ГЛАВА 2. Падение тоталитаризма и возвышение Збигнева Бжезинского. <i>Дэвид К. Энгерман</i>	68
ГЛАВА 3. В ожидании Большого провала. <i>Марк Крамер</i>	91

Часть II. В СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ГЛАВА 4. Подготовка сцены для текущей эры. <i>Дэвид Дж. Роткопф</i>	117
ГЛАВА 5. Друг Пекина, враг Москвы. <i>Уоррен И. Коэн и Нэнси Бернкопф Такер</i>	151
ГЛАВА 6. Карикатура и человек. <i>Роберт А. Пастор</i>	181
ГЛАВА 7. Ближневосточные вопросы. <i>Уильям Б. Куандт</i>	193
ГЛАВА 8. Работа и отдых в СНБ. <i>Роберт Хантер</i>	199
ГЛАВА 9. Вечерний отчёт. <i>Джеймс Томсон</i>	205

Часть III. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОПОВЕДНИК

ГЛАВА 10. Бжезинский, папа и «заговор» по освобождению Польши. <i>Патрик Воган</i>	208
ГЛАВА 11. Свидетель «Большого провала» в Москве 1989 года. <i>Марин Стрмецки</i>	235

ГЛАВА 12. Бжезинский и Ирак: становление «голубя». <i>Джеймс Манн</i>	261
ГЛАВА 13. Решение арабо-израильского конфликта. <i>Дэвид Игнейшес</i>	288
ГЛАВА 14. Стратегический мыслитель. <i>Адам Гарфинкл</i>	308

Часть IV. ПОРТРЕТЫ

ГЛАВА 15. Профессор. <i>Стивен Ф. Сабо</i>	328
ГЛАВА 16. Признательность. <i>Фрэнсис Фукуяма</i>	341
ГЛАВА 17. О себе. <i>В беседе с Чарльзом Гати</i>	346
Благодарности	371
Хронология	372
Избранная библиография	375
Книги Збигнева Бжезинского	375
Книги о Збигневе Бжезинском	376
Авторы	378

ПРЕДИСЛОВИЕ

Джимми Картера

В своей книге «Храня веру: Мемуары президента» я описывал Збигнева Бжезинского как моего самого любимого собеседника (за исключением некоторых членов моей семьи) во время длительных поездок, потому что «мы могли спорить, но мне никогда не было с ним скучно». Надеюсь, авторы этой книги согласятся со мной в этом, как и в том, что Збиг обладает высочайшим интеллектом, склонностью к проницательному анализу и умением преподносить материал в провокационной манере. В бытность моим советником по национальной безопасности он постоянно излагал мне самые разнообразные свежие и непривычные идеи, иногда даже чересчур непривычные. Но именно это мне и было необходимо, поскольку в обыденных и заурядных советах, предлагаемых Государственным департаментом, недостатка не наблюдалось.

Я знал, что ожидать от Збига. Впервые мы с ним встретились в 1973 году, когда я вступил в Трёхстороннюю комиссию, — тогда он был её исполнительным директором. Это была организация из пятидесяти представителей Северной Америки, Западной Европы и Японии. Меня пригласили в неё как губернатора, признававшего приоритет растущих торговых связей. Мне также хотелось плотнее ознакомиться с международными вопросами, и я внимательно прислушивался к выступлениям на каждом заседании. На следующий

год, когда я выдвинул свою кандидатуру на должность президента, Збиг написал мне и предложил свою помощь. Возможно, он и не ожидал от меня многого, поскольку национальные средства массовой информации изображали меня аутсайдером президентской гонки, но я охотно согласился на его предложение. В 1975 году он исполнял роль моего ведущего советника по внешней политике. После победы на выборах 1976 года я спросил, не хочет ли он занять должность главного советника по национальной безопасности. Он предложил мне ряд альтернатив, но я знал, что хочу видеть на этой должности именно его.

Он подобрал под своим началом блестящий кадровый состав, оказывавший неоценимую помощь как ему, так и мне. Но, конечно же, основным источником информации и основным советником оставался он сам. Первым пунктом моего ежедневного президентского совещания неизменно было его выступление. Обычно он выступал и на других совещаниях в течение дня. Когда требовались какие-то специальные сведения по тому или иному делу, он вызывал нужных людей — своих подчинённых или других сотрудников администрации. Это был настоящий руководитель, чрезвычайно умелый и эффективный.

Збиг всегда выполнял мои поручения, а иногда я просил его помочь и в делах, лежащих вне компетенции советника. Предполагалось, что главным лицом, освещающим вопросы моей внешней политики, должен быть мой государственный секретарь Сайрус Вэнс. Но оказалось, что ему не всегда нравится выступать именно в этой роли. Збиг с гораздо большей охотой объяснял нашу политику, и иногда я советовал ему заниматься именно этим. Для одного крайне деликатного вопроса — нормализации отношений с Китаем — я решил привлечь ресурсы Белого дома. После неудачи со стороны Государственного департамента, я послал к Дэну Сяопину самого Збига, чтобы тот напрямую изложил ему мой взгляд на проблему. Его визит закончился успехом.

Он также был ключевой фигурой американской делегации во время израильско-египетских переговоров на саммите в Кэмп-Дэвиде, ставших беспрецедентным событием в истории дипломатии. Я лично руководил процессом и работал непосредственно с президентом Египта Анваром Садатом и премьер-министром Израиля Менахемом Бегинном, но члены всех трёх делегаций также играли важные роли в переговорах, длившихся тринадцать дней и закончившихся подписанием Кэмп-Дэвидских соглашений.

В начале моего президентского срока Збиг составил список задач для нашей внешней политики — довольно масштабный и смелый, но как раз такой, какой мне и хотелось. Установление прочного мира на Ближнем Востоке и восстановление дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой были всего лишь двумя из десяти намеченных нами больших целей. Особое внимание мы уделяли защите прав человека по всему миру и договору о сокращении ядерных вооружений с Советским Союзом. Я горжусь тем, чего мы достигли, хотя признаю критику в адрес спорных решений во внутренней политике, сопровождавшихся различными скандалами. Особенный ущерб моей репутации нанесли договоры о Панамском канале, но мы были совершенно правы, настаивая на их заключении, и в конечном счёте они послужили на пользу как Соединённым Штатам, так и странам Латинской Америки.

Какие бы задачи ни вставали на президентской повестке дня, Збигу всегда приходилось сталкиваться с непредвиденными обстоятельствами во внешней политике. Одна из обязанностей советника по национальной безопасности — всегда быть готовым ко всему. Збиг всегда поддерживал меня во время кризисов. Нам удалось пережить два главных испытания — советское вторжение в Афганистан и Иранскую революцию — при этом избежав вовлечения в войну и добившись того, чтобы Советский Союз не получил выгоду от обоих событий. Некоторые критики, как в то время, так и впоследст-

вии, обвиняли Збига в том, что он возродил холодную войну. Да, он действительно был главным скептиком среди моих советников в отношении Советского Союза, но я не согласен с утверждением, что именно он убедил меня отойти от политики разрядки. Действия Советского Союза в любом случае требовали реакции. Тем не менее мы продолжали соблюдать положения Договора об ограничении стратегических вооружений, несмотря на то, что он в силу политических причин так и не был ратифицирован. Соблюдать их продолжал даже мой преемник на посту президента вплоть до конца своего срока, несмотря на то, что сам же и подвергал этот договор критике. Советское руководство того времени приняло действительно катастрофические решения, потребовавшие от нас занять более жёсткую позицию.

Збиг продолжал помогать мне и после моего президентского срока. В 1982 году, когда я решил основать Центр Картера, он присутствовал на встрече на острове Сапело в Джорджии и давал ценные советы. Он принял участие в нескольких наших проектах, а за неделю до того, как я написал это предисловие, посетил меня в Калифорнии, чтобы напомнить нашим финансовым помощникам некоторые неопубликованные подробности переговоров в Кэмп-Дэвиде. Я искренне благодарен ему за его услуги.

Такая книга должна была выйти уже давно. Это один из наиболее влиятельных мыслителей и политиков на международной сцене конца двадцатого и начала двадцать первого веков.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чарльза Гати

Збигнев Бжезинский давно стал знаменитостью. Его оставляют на улицах и в аэропортах. Люди интересуются, как поживает он сам и как поживает его дочь, ведущая новостей Мика. Когда он говорит о политической обстановке в мире и в Америке, на ум приходит старая телевизионная реклама. *«Когда говорит Э.Ф. Хаттон, люди слушают»*. Брокерская фирма Э.Ф. Хаттона давно прекратила своё существование, но Бжезинский — выглядящий бодрим, остроумным и полным сил в свои восемьдесят с лишним лет — до сих пор выступает по телевидению, издаёт по бестселлеру каждые три-четыре года и путешествует по всему свету, читая лекции и встречаясь с сильными мира сего. Сегодня даже больше, чем прежде, *когда Бжезинский говорит, люди слушают*.

Он до сих пор обладает неоспоримым авторитетом в международной политике. Когда глава какого-нибудь государства посещает с визитом Вашингтон, Бжезинского часто приглашают на официальный обед или ужин. После таких мероприятий многих особенно интересует, что по тому или иному вопросу высказал Бжезинский. Несколько десятилетий назад его путали с Генри Киссинджером; я сам лично слышал, как у Колумбийского университета в Нью-Йорке водитель такси обратился к нему «доктор Киссинджер».

В наши дни такое вряд ли возможно. Совсем недавно управляющий одного ресторана в Вашингтоне обратился к нему с предложением прийти как-нибудь вместе с Микой, и тогда их обслужат бесплатно. Было заметно, что Бжезинский гордится своей дочерью.

Своим статусом «звезды» он прежде всего обязан своим пронизательным комментариям во время частых выступлений по телевидению. Ещё более важно то, что он с самого начала был настроен против войны в Ираке, в то время как большинство демократов ещё сомневались, стоит ли им поддерживать администрацию Буша в вопросах внешней политики; тогда такая позиция воспринималась как весьма откровенная, и даже смелая. Бжезинского возмутила ложь, с помощью которой пытались придать разумное обоснование войне, и поскольку он уже не претендовал ни на какую роль в правительстве США, то он не так сдерживался, как в прошлом, демонстрируя свой прямолинейный и даже в чём-то дерзкий нрав. Сколько ещё влиятельных персон из Вашингтона называли Джо Скарборо — более известного как «Утренний Джо» (по названию его телепередачи), популярного телеведущего и напарника Мики Бжезински — «потрясающе поверхностным»? Сколько ещё демократов осмелилось заявить, что Обама в арабо-израильском конфликте «поддался политическому давлению»?

Чрезмерная озабоченность Америки вопросами внутренней безопасности после теракта 11 сентября заставила его посмеяться над ненужными мерами предосторожности в Белом доме — однажды при посещении административного корпуса в Вашингтоне он отметил под именем «Усама бен Ладен», и никто его не остановил. Предполагалось, что этот инцидент должен шокировать, но он послужил метафорой нерешительности сбитой с толку Америки, которая сама не может выяснить, что для неё важно, а что нет. Вот почему «новый» Бжезинский, обеспокоенный будущим, предпочитает называть вещи своими именами — по контрасту с Бжезин-

ским прежнего столетия, который и раньше отличался прямо-отой, но старался держаться в русле той внешней политики, которую задавала вашингтонская элита. Бжезинского двадцать первого века гораздо меньше заботят мейнстрим или общепринятые представления текущего момента. Он не настроен увязать в хитросплетениях дипломатического языка и говорит всё, как есть (или, по крайней мере, как это кажется ему). Его высказывания столь же просты, сколь сложно решение главного вопроса: *Америка переживает системный кризис*. Некогда безграничный оптимист, веривший в то, что Америка обязательно преодолет любой домашний кризис и одержит победу над своими зарубежными противниками, ныне он гораздо больше ценит то, что Америка способна добиться в действительности. Бжезинский не превратился ни в пессимиста, ни в проповедника «упаднических настроений», но начиная с конца холодной войны заметно, что он менее склонен поддерживать американскую военную машину, особенно на Ближнем Востоке. И его взгляды как нельзя лучше согласуются со взглядами его аудитории.

После успешной преподавательской карьеры в Гарварде, Колумбийском университете и Школе передовых международных исследований Пола Нитце Университета Джонса Хопкинса (SAIS) Бжезинский в настоящее время работает в Центре стратегических и международных исследований (CSIS), известном вашингтонском «мозговом центре». Он зарабатывает себе на жизнь как писатель и лектор. Выступает ли он перед группой специалистов по международной политике, перед бизнесменами или перед студентами университета, он умеет настроиться на нужную волну, вставляя в своё выступление несколько известных деталей — но всякий раз в свежем контексте, с безупречным логическим анализом, пронизательными формулировками и чётким изложением. Он всегда тщательно подбирает слова для лекций, длительностью от сорока

до сорока пяти минут, и говорит идеальными абзацами. Обычно он начинает с какой-нибудь истории, служащей иллюстрацией своего главного тезиса. Так, например, он рассказывает о том, как во времена Карибского кризиса 1962 года президент Джон Кеннеди попросил Дина Ачесона, бывшего государственного секретаря при Гарри Трумэне, предъявить Шарлю де Голлю материалы, оправдывающие военные действия США. Но французский президент даже не посмотрел на документы, которые хотел показать ему почтенный посланник Кеннеди. Де Голль, недолюбливавший Кеннеди, высказался в том духе, что одних лишь слов американского президента достаточно, чтобы оценить обстановку, и тут же уверил его в поддержке со стороны Франции. Этой историей Бжезинский иллюстрирует, насколько с тех пор Соединённые Штаты утратили доверие мира, — и с некоторой мечтательностью добавляет, что его следовало бы восстановить.

В последнее время лекции, эссе, книги, телевизионные выступления и комментарии в прессе Бжезинского гораздо чаще, чем прежде, посвящены домашним делам Америки, и все они демонстрируют его озабоченность делением на политические лагеря, поляризацией и проистекающим из них политическим параличом. Его беспокоит растущая пропасть между богатыми и бедными, как и тот факт, что на американский образ жизни всё больше влияет жадность. Но, пожалуй, гораздо сильнее его волнуют шаткие перспективы мира и стабильности во всё более нестабильном и неохраняемом мире. Временами он даже высказывает недовольство своей аудиторией. Со своего рода профессорским высокомерием он обвиняет многих присутствующих в том, что они не изучали географию, потому что в большинстве школ она не входит в число обязательных предметов. И всё же аудитория встречает его хорошо. Аплодисменты раздаются не только из вежливости, они бывают совершенно искренними. Когда в 2008 году Бжезинский выступал на крупном политическом митинге в Вашингтоне, вслед за ним на подиум поднялся сенатор Джо Байден, будущий вице-

президент. Обычно Байден за словом в карман не лезет, но на этот раз он несколько секунд неуютно молчал, а потом повернулся к организаторам и пожаловался: «Вы же мне не сказали, что я должен выступать сразу после Збига, правда?» Собравшиеся засмеялись и захлопали.

И всё же Бжезинский остаётся противоречивой фигурой. Многие республиканцы не доверяют ему, потому что он демократ и потому что он одним из первых стал критиковать внешнюю политику президента Джорджа Буша-младшего и войну в Ираке. Некоторые демократы не могут простить ему активное участие в холодной войне, «русофобию» и поддержку войны во Вьетнаме, а есть и такие, кто ставит ему в укор открытую поддержку республиканского кандидата на президентских выборах 1988 года. Влиятельные лица из Вашингтона с особо крепкой памятью до сих пор вспоминают, что Бжезинский, будучи советником президента Джимми Картера по национальной безопасности, одержал победу (пусть и справедливо) в бюрократической борьбе за право контролировать международную повестку дня с не столь решительно настроенным государственным секретарём Сайрусом Вэнсом. Неоконсерваторы, как и многие другие, заявляют, что его предложение урегулирования арабо-израильского конфликта не учитывало уязвимые и чувствительные места Израиля, и задаются вопросом, почему он не вынудил палестинцев по меньшей мере признать право Израиля на существование. Приверженцы американской политики, основанной на признании прав человека, считают, что активная поддержка сближения США с Китаем, в целом, и фактическое признание коммунистического правления, в частности, говорят если не о лицемерии, то о каких-то сомнениях в искренности высказываний Бжезинского о защите универсальных прав человека.

Но, несмотря на такое восхищение и громкую полемику, это первая книга о Бжезинском. Генри Киссинджеру посвящены десятки исследований; много публикаций вышло о Дине Ачесоне и Джоне Фостере Даллесе; сравнительно большое число о Джордже Фросте Кеннане (хотя его извест-